

логические легенды. Явно ощутима устная демонологическая традиция и в «Повести о Савве Грудцыне» (полеты по воздуху из города в город, посещение царства Сатаны и т. п.); явно фольклорного происхождения в повести и поединок Саввы Грудцына и польского богатыря, над которым герою одерживает победу с помощью беса.¹³

Вместе с тем демократическая литература XVII в. знает случаи смелого обращения к антиклерикальному фольклору и вообще использования устнопоэтической традиции в произведениях социально-обличительного содержания. В этом отношении русская сатира XVII в. остается ярким образцом прогрессивного фольклоризма («Повесть о Шемякином суде», «Повесть о куре и о лисице», «Сказание о попе Савве», «Повесть о Карпе Сутулове», «Сказание о крестьянском сыне» и др.).

В настоящих заметках лишь пунктиром намечен широкий круг разнообразных проявлений фольклоризма XVII в. Не упомянуты многие замечательные произведения, в которых так или иначе обнаруживается общая закономерность — усиление воздействия фольклора на литературный процесс: Повесть об Азовском осажденном сидении донских казаков, Повесть об основании Тверского отрока монастыря, Повесть о Еруслане Лазаревиче, эротические новеллы. Остался в стороне интересный факт своеобразного «оживления» в XVII в. старых литературных памятников с помощью привнесения в них фольклорных элементов — «Александрии», повести о Дракуле, повестей о Николе Заразском.¹⁴ Впрочем, эти заметки и не претендуют на сколько-нибудь полное освещение проблемы — они продиктованы как раз убеждением, что сама тема, которая на первый взгляд может показаться исчерпанной, заслуживает специального синтетического исследования. Такое исследование систематизировало бы и обобщило соответствующие наблюдения, рассеянные в многочисленных работах медиевистов, истолковало бы еще не учтенные факты фольклоризма в литературе XVII в. и объяснило бы то исключительное положение, какое в этом смысле занимает последняя во всем нашем историко-литературном процессе.

¹³ Ср. соответствующие бродячие мотивы, по-своему отраженные в народных книгах о Фаусте: Легенда о докторе Фаусте. Издание подготовил В. М. Жирмунский. М.—Л., 1958, стр. 81—84, 88—97 и др. Любопытно, что и эпизод со старцем, пытавшимся вернуть Савву Грудцына на путь праведный, также находит параллель в народной книге о Фаусте (там же, стр. 121—123). Все это, разумеется, не дает оснований видеть в нашем герое «русского Фауста».

¹⁴ См. об этом, например: Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском. — ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 260. Не находится ли в этом же ряду и судьба произведений о событиях отдаленной исторической эпохи, например эволюция повестей о начале Москвы, обогащаемых мотивами местных легенд и преданий. (см.: Повести о начале Москвы. Исследование и подготовка текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964, стр. 133—138).